

УДК 808:81'27'276

ВОВЛЕЧЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ РИТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

П. А. Катыхев, Б. Е. Кильдибекова

INVOLVEMENT FROM THE STANDPOINT OF RHETORICAL CRITICISM

P. A. Katyshev, B. E. Kildibekova

Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ по проекту № 14-14-42005 «Региональные аспекты русской дериватологии» по конкурсу «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном – 2014» (Кемеровская область).

В статье рассматривается сущность категории вовлечения с позиции риторической критики как одной из версий критического дискурса-анализа. Признавая значимость вовлечения как дискурсивного, когнитивного и социального феномена, авторы обращают внимание на случаи такого взаимодействия, в котором одна из сторон реализует свои властные полномочия, а другая – вынужденно подчиняется ей. Ярким примером вовлечения, предполагающим изначально неравноправие сторон, служит дискурс террористической организации. Разработка фрейм-модели вовлечения, свойственной данной организации, помогла систематизировать описание феномена на уровнях (слотах) социокоммуникативного контекста, стадий реализации вовлечения, дискурсивного строя. В свою очередь, детализация параметров дискурсивного строя позволила установить множество ячеек слота, при соотношении с которыми можно рассматривать закономерности дискурсивной реализации власти. В статье особое внимание уделяется таким параметрам дискурсивного строя, как «Лексика» и «Локальные значения». В частности, на примере использования арабизма «зиярат», подвергнутого семантической транспозиции при попадании в речевую среду нелегального сообщества, устанавливаются и интерпретируются приметы межличностной асимметрии вовлекающего дискурса. К таковым приметам отнесены: факт арготизации арабизма, её семантический результат, поведение арготизма в словосочетаниях и предложениях, а также его появление в предписывающих и объяснительных пассажах.

This article describes the category of involvement from the perspective of rhetorical criticism as a version of critical discourse analysis. Considering the importance of involving discursive, cognitive and social phenomenon, the authors draw attention to such an interaction in which one of the sides realizes its power, and the other is forced to subordinate. A demonstrative example of involvement with originally intended unequal sides is represented by the discourse of a terrorist organization. The development of the involvement frame model peculiar to this organization helped to organize the description of the phenomenon on the levels (slots) of social and cultural context, realization of involvement phases, and the discourse structure. In its turn, specification of the discourse structure parameters has allowed to establish the set of slots, with which the laws of discursive realization of power can be described. The article focuses on such discourse parameters as «Vocabulary» and «Local values». In particular, the usage of Arabism «ziyarat», which is subjected to the semantic transposition when it enters the speech of an illegal community, serves as an example that helps to establish and interpret the marks of interpersonal asymmetry of involving discourse. These marks are: the usage of Arabism as a slang expression (argotism), its semantic result, usage of argotisms in phrases and sentences, as well as its appearance in the prescribing and explanatory passages.

Ключевые слова: риторическая критика, вовлечение, дискурс нелегитимной организации, фрейм-модель, арготизм.

Keywords: rhetorical criticism, involvement, discourse of illegitimate organization, frame model, argotism.

В риторической критике как одной из версий критического дискурса-анализа, рассматривающей и оценивающей с позиций социальной и общественной значимости феномены речевого воздействия и взаимовлияния [5; 6; 1, с. 96 – 100; 8], есть ряд понятий, требующих особого внимания в силу того, что они подразумевают злоупотребление дискурсом. К разряду таких понятий следует отнести и «вовлечение». Помимо того, что оно до сих пор лишено четких содержательных рамок (даже в социолингвистике, дискурса-анализе и этнографии речи – в направлениях, в которых исследование вовлечения может быть признано традиционным; см. работы [10 – 15; 17]), не существует также каких-либо междисциплинарных теорий, обобщающих его относительность и раскрывающих в полной мере

его зависимость от социального контекста. На многозначность этой категории немалое влияние оказывает и то обстоятельство, что ей оперирует, помимо лингвистики, ряд других общественных и гуманитарных наук, например философия, юриспруденция, экономика, социология, психология, культурология, сектоведение и нек. др. (примером могут служить работы А. Випперфюрта, Д. фон Гильдебранда, Э. Гофмана, Г. Кругмана, Е. И. Пугиной, М. А. Селивановой, М. Тейлора, М. Фуко, Ю. Хабермаса и др.). Ситуацию зачастую осложняет и наличие эквивалентных, а также смежных терминообозначений, претендующих на то, чтобы стать основой для описания персуазивных феноменов, связанных с модификацией сознания агентов интеракции (*эмоциональная приверженность комму-*

никации, вербовка, манипуляция, вынуждение, речевое воздействие, речевое взаимодействие, коммуникативная активность участников общения и нек. др.).

Подход, развиваемый авторами данной статьи для задач риторической критики, принимает во внимание три системообразующие категории, важные для осмысления феномена вовлечения: дискурс, познание и общество, – что согласуется с программой критического дискурс-анализа, ориентирующей на рассмотрение явлений языка и речи в связи с организацией социальной власти как «контроля, который осуществляет одна группа в отношении других групп и их членов» [3, с. 27].

При этом термин «критический» подразумевает оценку речевого воздействия и взаимовлияния в специфическом смысле, касающемся разбора действий *нелегитимной* группы по отношению к подчиняемой группе. Здесь следует дать два небольших комментария.

Комментарий первый. В рамках критических дискурсивных исследований как прикладного направления дискурс-анализа под термином «нелегитимный» принято понимать такое свойство характеризуемого предмета, которое связано со случаями злоупотребления властью, полномочиями, социальными ролями, социальным положением, правами других людей и т. д. Так, Т. А. ван Дейк, предлагая описывать злоупотребление в терминах легитимности, отмечает, что формами нелегитимных действий и ситуаций выступают различные проявления неравенства, несправедливости, неравноправия [3, с. 36 – 37]. Такая трактовка понятия нелегитимности позволяет применить его по отношению к случаям, касающимся вовлечения в деятельность зашпеченных (нелегальных) организаций, поскольку деятельность подобных организаций тесно связана с пренебрежением правом человека на свободу, с использованием неравенства в инклюзивных целях и с некоторыми другими аспектами злоупотребления. В работе подобные нелегальные организации называются еще и нелегитимными именно для того, чтобы подчеркнуть моменты злоупотреблений, наличествующих в их деятельности по отношению к подчиняемым индивидам или группам.

Комментарий второй. Трактовка критического аспекта в описании коммуникации, удовлетворяющая требованию *наличия нелегитимной* (в пресуппозиции – *нелегальной*) группы как оаца доминирующего дискурса, несколько расширяет проблематику критических исследований, которые, по мнению Т. А. ван Дейка, обычно отвечают одному или нескольким из приведенных ниже дисциплинарных критериев:

- 1) критерию изучения доминирования с точки зрения и в интересах подчиненной группы;
- 2) критерию учета опыта подчиненной группы для оценки доминирующего дискурса;
- 3) критерию столкновения дискурсивных действий доминирующей группы как нелегитимных;
- 4) критерию учета интересов подчиненных групп при создании адекватных альтернатив доминирующему дискурсу [3, с. 24].

В свою очередь, критическое рассмотрение феномена вовлечения в триаде «дискурс – познание – общество» позволяет сделать ряд допущений. Во-первых,

критическое осмысление изучаемого феномена сталкивается с необходимостью анализа звучащей речи и письменных текстов, проводящих интенцию вовлечения и диагностирующих характер и степень вовлеченности. Во-вторых, следует помнить о том, что вовлечение имеет дело с человеческим сознанием, что приводит к необходимости рассматривать психические изменения, происходящие в нем, как процесс, опосредованный персуазивным инструментарием, а также ситуациями и формами взаимодействия. В-третьих, вовлечение погружено в определенный социальный контекст и имеет конвенциональную природу, заданную обстоятельствами взаимодействия, из которых интересы субъекта, инициирующего интеракцию, приобретают особое значение прежде всего тогда, когда он злоупотребляет дискурсом.

Указанные допущения наводят на мысль о том, что вовлечение – это коммуникативно-семиотический процесс и использование контекстных ресурсов для формирования и приведения в действие готовности участников интеракции к совершению согласованных поступков *на основе сопричастности, сопереживания, симпатии, принимаемых обязательств, разделения ответственности с группой, заинтересованности в совместном достижении поставленных целей* и т. д. В такой трактовке искомого феномена содержится параллель с понятием речевого воздействия, разновидностью которого вовлечение может быть признано (ср. широкую и узкую дефиниции речевого воздействия, предложенные в [6]).

Не придавая пока значения различиям в трактовках вовлечения, присутствующим в традиции его описания разными дискурс-ориентированными теориями и областями научного познания, обратим внимание на то, что в общем случае степень вовлеченности/отчуждения от взаимодействия обусловлены соблюдением/ несоблюдением как межличностных правил поведения, принятых в культуре диалога, так и конвенций специфического контекста, в котором реализуется интеракция.

Так, по убеждению Э. Гофмана, в англо-американском обществе участвующий в разговоре индивид обнаруживает, что он и другие связаны вместе обязанностью вовлеченности тогда, когда «начинает ощущать, что подобающим... считается обращение основного фокуса внимания на разговор и спонтанное вовлечение в него, и в то же время чувствует, что у других участников есть те же обязанности» [2, с. 140]. Впрочем, поведение, подобное тому, которое описано в работе Э. Гофмана, является нормативным для большинства лингвокультур, поскольку в его основе находится соблюдение диалогических конвенций, соотносимых с такими типами воздействия и взаимовлияния, как фатика, суггестия, информирование и убеждение [1, с. 156 – 172], а само принятие этих конвенций коммуникантами обеспечивает эффект должного присутствия в диалоге.

Однако в институциональных контекстах даже мажора повышенной вовлеченности в интеракцию, демонстрирующая интенсивность участия в общении каждого из коммуникантов, а также каждого из них по отношению друг к другу, может (и должна) рассматриваться сквозь призму социальной иерархии.

Показателен в этом плане процесс протекания митинга: несмотря на то, что в нем оратор рассчитывает на поддержку аудитории, провоцирует ее активность, о равноправии между указанными сторонами не может идти и речи, поскольку контроль над дискурсом находится в руках того, кто обеспечивает к нему доступ. Как явствует из критического исследования [16], участники *баразы* (специфичной формы проведения митинга, практикующейся в Кении) используют одну и ту же манеру взаимодействия при различии в социокоммуникативных целях. При этом сама интеракция демонстрирует достаточно высокий стиль вовлеченности, характеризуясь последовательностями вопросов и ответов, призывов и поддерживающих хлопков, звучащих в унисон, обилием подхватывающих повторов и параллельных конструкций. Тем не менее в этой слаженной системе соотносимых реплик одна сторона формирует политическую реальность, т. е. оказывает давление на подчиненную группу, заставляя ее выкрикивать слова одобрения явно непопулярных в данной аудитории мер (в указанной статье анализируется митинг в поддержку сухого закона, организованный среди мелких торговцев пивом и фермеров, поставляющих сахарный тростник – сырье для алкогольных напитков). В свою очередь, другая сторона, поддерживая на словах инициативы правительства, имеет куда более сложное намерение, чем может показаться на первый взгляд. Для аудитории важно не столько скрыть свое отношение к действиям правительства, сколько продемонстрировать власти свою лояльность, представить в лучшем свете свою территорию (ведь митинг освещается в СМИ) и разделить с правящими кругами ту веру в стабилизирующую роль правительства, которая, по мнению многих, способствует сдерживанию социального хаоса (его отсутствие выгодно отличает Кению от соседней Уганды).

Асимметрия социальных позиций еще больше ощущается при рассмотрении дискурсивных практик, применяющихся агентами нелегальных организаций (сект, экстремистских и террористических группировок, организованных криминальных сообществ) в отношении тех, от которых напрямую зависит пополняемость подобных объединений новыми членами. В этом случае движущей силой вовлечения становится доминирование вовлекающей стороны, её стремление во чтобы то ни стало, но при этом по возможности конспиративно, сформировать последователей и стейкхолдеров (т. е. причастных лиц, которые, не являясь членами группы, в силу своего положения и авторитета могут формировать о ней позитивное общественное мнение) для проведения нелегальных действий (например, для осуществления прозелитических акций как поводов для вербовки потенциальных членов организации, для расширения сети обучающих семинаров, на которых осваиваются азы экстремистской идеологии и т. д.). В ситуациях, подобных только что указанным, само вовлечение также может стать предметом правового преследования, причем основаниями для его возбуждения могут служить соответствующие статьи уголовного кодекса, например, ч. 1.1 ст. 282.1 УК РФ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества», ч. 3 ст. 282.1 УК РФ «Деяния, предусмотренные частями первой,

первой¹ или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения», ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации» и т. д.

Юридическая практика использования искомого концепта, помимо прочего, указывает нам на то, что вовлечение – это не сугубо речевой феномен, сводимый к состояниям увлеченности беседой или же к попыткам общающихся придать взаимодействию interpersonalную динамику. В определенных эпистемических контекстах данный концепт приобретает статус особого социального феномена, имеющего дело с событиями, связанными с постепенным и контролируемым развитием у подчиненной группы готовности к совершению действий (необязательно – речевых) в пользу доминирующей стороны. При этом формирование будущего члена и стейкхолдера доминирующей группы (т. е. такого коллектива, который использует человеческий ресурс для достижения незаконных целей, приводящих в конечном счете к наступлению серьезных правовых последствий для вовлекаемых) может быть реализовано и дискурсивным путем. Так, дискурс, производимый одной из террористических организаций, изучаемой в течение нескольких лет в рамках государственного контракта на проведение лингвистического экспертного исследования, в качестве способов воздействия, источников доктрины и инструментов управления и воспроизводства власти включает в себя личные беседы, обучающие мероприятия, дидактические материалы, дискуссии, конференции, периодические издания, журнальные публикации, прокламации, тексты религиозно-политического характера и т. д. (*Прим. авторов: исследование проводилось на базе Центра лингвистических экспертиз и редактирования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*).

О чем может свидетельствовать такое разнообразие способов «промыывания мозгов»?

Во-первых, вовлечение, как организованный дискурсивный процесс, постепенно, т. е. проходит через ряд стадий, порядок следования которых предполагает использование приемов низкой, средней и высокой степени вовлечения, стимулирующих у аудитории ответные действия, различные по уровню осмысленности, автоматизма, подготовленности, меры ответственности и исполнительской сложности.

Во-вторых, эффект вовлечения не вытекает из какого-то одного речевого акта, а является кумулятивным, складывающимся из совокупности сменяющихся во времени коммуникативных событий.

В-третьих, обычно (и результаты наблюдений за дискурсивным строем нелегитимной организации это подтверждают) вовлечение имеет интердискурсивный характер, поскольку реализуется посредством совмещения нескольких дискурсивных практик (например, маркетингового, управленческого, дидактического, религиозного и политического дискурсов, каждый из которых допускает свою форму речемыслительной активности участников взаимодействия).

Наконец, вовлечение можно охарактеризовать еще и как метадискурсивную практику, которая реализуется на базе типичных устных интеракций и вклю-

ченных в них текстотипов, относящихся к разным социо-функциональным дискурсам, но обладающих рядом общих когнитивных, коммуникативно-прагматических, структурных и лингвостилистических признаков, соответствующих функционально-смысловому полю интерактивности (данное поле включает в себя комплекс языковых и коммуникативно-семиотических средств, сотнесенных к перформативной составляющей речевого взаимодействия, учитывающей относительную независимость и относительную зависимость коммуникантов от действий друг друга).

Высказанные соображения были учтены при разработке фреймовой модели вовлечения. Данная модель соотносится с задачами риторической критики как социально значимой практики разбора воздействующего потенциала разнообразных дискурсивных феноменов, а также с особенностями такого дискурсивного строя, для которого характерна доминантная манера вовлечения.

Предлагаемая фреймовая модель представляет собой структуру и систему знаний, организованных вокруг искомого концепта (концепта **ВОВЛЕЧЕНИЕ**). При этом по степени организованности этот фрейм имеет относительно разработанный и, несомненно, открытый характер, поскольку оптимизация работы экстремистской организации требует не только воспроизведения уже готовых интерперсональных приемов, но и постоянного поиска новых сценариев и инструментов вовлечения. Более того, сам фрейм не только передает своеобразный тип взаимоотношений между агентами интеракции, но и представляет собой «ключ», позволяющий, в частности, понять, как доминирующим субъектом обеспечиваются контролируемое вовлечение в состав организации и контролируемое созидание её образа. Описание фрейма вовлечения состоит из нескольких слотов, таких как:

1. *Особенности социокоммуникативного контекста* (в нашем случае входящие в контекст элементы индексируют тот факт, что вовлечение осуществляется в условиях деятельности организации экстремистского толка, имеющей иерархическую структуру, а также достаточный методический и идеологический инструментарий для формирования открытого сообщества последователей и стейкхолдеров).

2. *Стадии реализации вовлечения*, часто активизирующиеся одновременно в ситуациях реального взаимодействия:

1) *создание сообщества*: выбор правильной первичной аудитории, выход к ней, формирование круга посвященных, формирование привычек у привлекаемых лиц, осознание ценностей и принципов идеологии и т. д.;

2) *совместное совершение деятельности*: осуществление обучающих мероприятий, привлечение в организацию других людей по сетевому принципу, поддержка темпа вовлечения, проведение акций, координация работы ячеек и т. д.;

3) *совместное созидание образа организации*: инициация «народной молвы», вирусное распространение информации, привлечение к её распространению лиц, поддерживающих членов организации своим автори-

тетным мнением, личными привязанностями, родственными узами и т. д.;

4) *выход на более широкую аудиторию*: мотивация на стратегическую цель, взаимодействие с региональными ячейками, проведение конференций и т. д.

3. *Дискурсивный строй как конфигурация всех типов и форм дискурсов*, которые используются в организации; при этом принимается во внимание разноразное многообразие способов вовлечения и показателей вовлеченности.

Описание дискурсивного строя как одного из слотов предлагаемой модели вовлечения может быть детализировано с помощью следующих ячеек фрейма:

1) *форма интеракции* (она, к примеру, на стадии «совместное совершение деятельности» может быть представлена таким интерактивным типом, как **халакат** ‘кружок, обучающее мероприятие’);

⇒ далее для халаката:

2) *общие стратегии интеракции* (со стороны субъекта вовлечения – **муширфа** ‘руководителя ячейки’): дидактическая стратегия, предполагающая ввод источников и тем осваиваемой доктрины, а также стимулирующая их обсуждение, освоение и усвоение;

3) *общие стратегии интеракции* (со стороны объекта вовлечения – **дариса** ‘обучающегося, члена ячейки’): зависимая дидактическая стратегия, предполагающая реакцию на источники и темы осваиваемой доктрины, а также на организационные действия муширфа;

4) *типы пассажей*: объяснение, инструктирование, убеждение;

5) *семантические текстовые макростратегии* (со стороны субъекта вовлечения): выбор источников доктрины и тем обсуждения; акцентирование внимания на ключевых идеях доктрины (например, на законах шарриата, на ведении дагвата); многократное повторение важного содержания и т. д.;

6) *локальные речевые акты* (со стороны субъекта вовлечения): требования; призывы; предписания; проблематизирующие вопросы; оценки; акты, связанные с проверкой уровня подготовленности к занятию, с организацией дискуссии по теме, с контролем учебной инициативы, с созданием и поддержанием интереса к изучаемой теме и т. д.;

7) *локальные речевые акты* (со стороны объекта вовлечения): реплики по поводу услышанного; уточняющие вопросы; подхватывающие реплики; акты, дополняющие инициальные высказывания, поддерживающие контакт, выражающие согласие, подтверждающие готовность следовать советам и пожеланиям руководителя;

8) *локальные значения*: модификация (арготизация) смысла понятий, свойственных официальной доктрине ислама; императивное подчеркивание всего, что связано с выполнением доктрины организации;

9) *лексика*: использование модальных предикатов, слов с семантическим компонентом побудительности типа «закон», «приказ», «путь», «фард», «ваджиб», «призыв» и т. д.; включение арабизмов, подчеркивающих по форме связь с религиозной доктриной ислама;

10) *локальный синтаксис*: использование конструкций со значением долженствования; употребление идентификационно-уточняющих и указательно-идентифицирующих конструкций для определения смысла ключевых понятий доктрины; ввод инфинитивных предложений с дополнительными модальными значениями долженствования, предписания и т. д.;

11) *разновидности аргументов*: аргумент к необходимости призыва, к значимости метода возрождения ислама, к стоящим перед членами организации задачам, к Аллаху как к силе, способствующей достижению дагвата; приведение авторитетных примеров, иллюстраций, моделей ситуаций, демонстрирующих способы вовлекающего поведения и т. д.;

12) *грамматические формы*: употребление глаголов в форме повелительного наклонения, изъявительного наклонения с модальными значениями долженствования, предписания и т. д.

Проиллюстрируем наполняемость ячеек слота «Дискурсивный строй» фрейма **ВОВЛЕЧЕНИЕ** материалом наблюдений за тем, как используются в контексте нелегитимного взаимодействия определенный арабизм, ассоциирующийся у носителей исламской культуры с отдельным понятием самой религии (иными словами, описание осуществляется на уровне ячеек «Лексика» и «Локальные значения»). Таким арабизмом, встречающимся в дидактических беседах мушриффа с дарисами, является элемент **зиярат**. Согласно данным энциклопедического словаря «Ислам» **зийара, зиярат** – это концепт, описывающий паломничество к могилам пророков, «святых», шиитских имамов, а в Северной Африке – к живым суфийским шейхам; кроме того, он подразумевает еще и посещение мест захоронения человека [4, с. 77]. Контексты словоупотребления, выбранные из исследованного дискурса организации, с одной стороны, фиксируют вариативность в произнесении искомого элемента: **зиярат // дзиярат // джарат // джейрат** (что во многом обусловлено устной традицией обучения дарисов, а также тем обстоятельством, что заимствованное слово употребляется в иной языковой среде, испытывающей, в свою очередь, влияние со стороны нескольких языков – прежде всего, русского, башкирского и татарского); (Прим. авторов: наблюдение велось за ячейками организации, осуществляющей свою деятельность на территории Республики Башкортостан); а с другой – указывают на трансформированность его значения. По корпусу наиболее информативных контекстов можно понять, что **зиярат** – это единица, у которой актуализуется несколько значений, противопоставленных по признаку *отвлеченности-конкретности*, а именно:

1) ‘процесс работы с первичной аудиторией’:

«М1 – ...*Главное – дагват делать целый день. Не так, что в Контакте там. Или там на улице с кем-то стоял, пару слов кинул. Я вижу, что зиярат ... либо со своим, либо с братьями всеми, короче, по-любому надо сделать. И вот так. Это нормально*»;

2) ‘индивид из первичной аудитории, подвергаемый целенаправленному вовлечению в организацию’:

«М1 – ...*Что мне делать? Сразу я подумал, куда, где их можно найти. Пошел в мечеть. В мечети нету.*

В мечети нету. В мечети нету. В мечети нету. В мечети нету. Так искали вот, помню, ходили. В мечеть ходишь, ходишь, нету, короче. Что делать? Брату звонишь – есть у тебя друзья, туда-сюда, звонишь им, нету. Идешь на остановку. Стоишь на остановке. Что куда едете? Я тоже тогда. И вот так знакомишься. Трех находишь. А три встречи как, если я зиярату звоню, не получилось, обламывают, обламывают. Братьям звоним, чтоб получилось. Главное – дагват делать целый день. Не так, что в Контакте там. Или там на улице с кем-то стоял, пару слов кинул...»;

«М1 – *Ну так, да, планируешь, что один у тебя с работы зиярат. Берешь одного по-любасу, хоть администрация или директор... У нас, говорит, раньше тридцать, говорит, было зияратов. Ну, в смысле, не то, что тридцать, именно прямо сказано. Просто так было. Они говорят, чтобы научиться, что делали? Брали, знакомились. С этим, с этим, знакомься, более тридцати, короче, вот эти, всё мешаешь вот эти тридцать. И там нормально выплывает, короче... С этим общаешься, с этим общаешься с этим, с этим, с этим. Общаешься. И в итоге пару зияратов нормально выходит, говорит, выходит, и с ними, говорит, дальше, работать не забываем, короче. Ну, а у вас, помоему, тоже так же было?»;*

«М1 – *Кому-то что-то говоришь. Допустим, такой случай, да: джарату ты говоришь, надо читать нормальное намаз, его надо приучать именно к шариатским доказательствам, чтобы им следовал. Можно было сказать: а да, все понял, намаз надо, да...»;*

«М1 – *Ну это вот, в любом случае это вот, э-э, скажем сейчас вот, например, если взять напрямую, да, вот, кто такой, скажем, зиярат? Зиярат – это тот человек, который готов слушать тебя*»;

3) ‘совокупность лиц – тех, кого опекает человек, осуществляющий вовлечение в организацию’:

«М1 – *И потом, еще один момент такой есть, вот это. Вот в следующий раз обсудим тоже – постарайтесь вот это, хотя бы даже подписывать... там написать, допустим: кто у вас есть в окружении вашем, например, сколько человек. И, например, можно обсудить: вот, например, скажем, Айрат – он, это самое, акыду поправляем, альхамдулля. МЗ – То есть, с каждым как работать, с кем. М1 – Пока да, да. Вот его можно из дзиярата не планировать пока. Потому что, во-первых, ему надо доступно донести наилучшим образом ислам, да, как исполнять. И альхамдуллих, если начнет исполнять. А потом видно будет»;*

«МЗ – (зачитывает) *Этапы первого расположения. Цель: подружиться. Вам необходимо добиться расположения, то есть склонность к общению с вами, подружиться. Расположение – это достижение доверия. Что значит доверие? Это означает, что собеседник не ждет от вас подвоха и негатива, он считает, что вы желаете ему только блага. Только тогда ваш собеседник будет серьезно вдумчиво воспринимать исходящую от вас информацию. То есть вначале вам необходимо повлиять на его инстинкт самосохранения и выработать в нем положительные чувства к вам. Данное начальное требование по расположению также распространяется на уже знакомых вам людей,*

либо родственников. Ибо вы собираетесь через общение с ними в корне изменить их образ жизни. А это возможно только тогда, когда доверие со стороны ваших собеседников будет полноценным. Заработать доверие большой и трудоемкий процесс. Поэтому вначале лучше **зиярат** искать среди знакомых, где уже есть некоторое доверие: вы знаете его, а он знает вас. Вы уже частично представляете его реальность, поэтому без проблем разговариваете на общине с ним темы и вам легче выстраивать дальнейшее общение».

Важно, что данные по использованию искомой лексической единицы, демонстрируемые фрагментами из дискурса обучающих встреч (халакатов), подтверждаются случаями, в которых употребление единицы **зиярат** является темообразующим. К таковым следует отнести беседы в жанре *амали*, т. е. разговоры за чашкой чая, в ходе которых обсуждаются текущие вопросы вербовки в организацию между ведущим и теми, кто принимает или должен принимать (в силу своего членства) активное участие в исполнении *дагвата* 'вовлечения в организацию'. Вот, что предоставляет нам неполное множество дискурсов *амали* в плане реализации установленных значений единицы **зиярат**:

• **зиярат₁**:

«М2 – Порой просто вообще даже желание **джейрат** делать отбиваешь...»; «М2 – ...У нас ребята вообще делать умеют **зиярат**? М1 – Да, в принципе. М2 – Все хизбии умеют? М1 – А? М2 – Нет, не все хизбии, кто делает, тот умеет, кто не делает... рассказываю, он естественно не будет уметь, по крайней мере, делать так же. М1 – Нет, нет, он пока, вот смотрите, у нас когда идет градация, да, дарисов: ноль, один, второй начал делать **зиярат** без тартимба...»; «М1 – Нет, он может знать этапы **зиярата**... Теоретически, например, он может рассказать, например, контакт, расположение, потом пробуждение...»;

• **зиярат₂**:

«М3 – То же самое с Ильясом. Если ты, брат, взял Ильяса в **джарат₃**, то работай с ним. Позвони хотя бы за неделю, даже если ты не можешь, да, в Тюльпан поехать, взять ему и позвони, узнай, как дела у него, как у него там работа идет, как он там вообще живет. Хотя бы, как дела, если у тебя не получается с ним увидеться... Почему звонить, потому что он **джарат₂** твой, и как правило ты за него... дрожишь, короче»; «М3 – ...И ты в этот момент не должен ничего скрывать. В этом плане. В вопросе *дагвата*. Потому что моя цель – тебя научить нормально. Понимаешь... Тигран? Моя цель – тебя научить. Я для этого здесь. Я поэтому узнаю, как у тебя неделя прошла, что ты делал, что ты не делал, почему с **джаратами** не виделся, почему виделся, о чем общался...»; «М2 – Просто реально так может получиться, что просто потеряешь. Он в мечеть перестанет приходить. Всё, нет с ним связи. **Зиярат** потерялся...»; «М2 – ...вот Мансур какой-нибудь делает пятнадцать встреч, это по-любому через три недели, даже не так, через две недели у вас будет результат того, что с ним пять **зияратов** хотят общаться, еще через две недели будет три-четыре человека намаз читать...»;

• **зиярат₃**:

«М3 – То же самое с Ильясом. Если ты, брат, взял Ильяса в **джарат**, то работай с ним...»; «М3 – ... Ты мне предоставляешь информацию про свой **джарат**, кто, как они, в каком они состоянии и так далее...»; «М3 – Что значит расположение? М2 – Угу. М3 – У тебя также было, да? То есть суть такова, что надо лучше расположить... я их специально маме показал, чтобы лучше расположились... друзьями стали вы в своих **джаратах**... чтобы они вас видели полностью...»; «М3 – ...Сейчас после неразберихи поразмыслить, почему у меня такой ход дел, что раз – одна встреча, раз – одна встреча, раз – одна встреча ... И ты начинаешь задумываться, почему у меня, интересно, так. И приходишь к определенным выводам. <неразборчиво>. Как-то надо это сделать. И ты, да, с желанием делать *дагват* и переживанием за свой *дагват* звонишь мне и начинаешь говорить: «Брат. Я вот этот момент, оказывается, не понимаю, давай поговорим». Вот так бывает. Звонят и говорят: «Брат, у меня в этом проблема, давай решать». Потому что у брата есть желание решить, ему охота делать *дагват*, он переживает за него, за этот *дагват*, потому что понимает и переживает за свой **джарат**».

Приведенные контексты употребления единицы **зиярат** позволяют сделать следующие выводы об особенностях вовлечения, свойственного нелегитимной организации.

1. Семантическое изменение (внутрисловную транспозицию) исходного элемента можно квалифицировать как его арготизацию, представляющую собой переход религиозного термина-региолектизма, имеющего в русском языке общеязыковые эквиваленты (ср. *паломничество, путешествие, посещение*), в разряд выражения, используемого социально обособленной нелегальной группой. При этом потеря смысловой связи между первичным и вторичным элементами – явление, регулярное при создании арготизмов. Его существование расценивается некоторыми исследователями в качестве проявления установки на конспирацию, сокрытие противозаконных смыслов [9, р. 403].

Наблюдаемый в нашем примере факт арготизации, с одной стороны, уже сам по себе указывает на нелегальный характер группы, а с другой – имеет прямое отношение к репрезентации доминантной манеры вовлечения. Асимметричность интерперсональных отношений усматривается в том, что:

(а) в искомой номинации, в отличие от ее источника, акцентированными оказываются именно деятельность и лица, на которые эта деятельность направлена (т. е. арготизмом индексируются отдельные составляющие начальной стадии вовлечения, имеющие отношение к вербовке первичной аудитории);

(б) подменяя традиционный смысл религиозного термина, инициаторы вовлечения ограничивают у адресатов горизонты восприятия доктрины ислама, попутно формируя круг посвященных, по речи которых можно установить степень принадлежности к сообществу (не случайно столь высока частота появления искомого арготизма в дискурсе *амали*: она мотивирована тематикой этого жанра интеракции и высокой степе-

нию вовлеченности его участников, самостоятельно выполняющих дагват и зиярат как стадию дагвата).

2. Как уже было отмечено, многозначность арготизма *зиярат* развивается по пути концептуализации семантическим дериватом самой ситуации работы членов нелегитимного сообщества с первичной аудиторией: и процесс вовлечения новичков (*зиярат*₁), и новички (*зиярат*_{2,3}) мыслятся формально не расчлененно. В то же время многозначность употребления снимается ближайшим вербальным контекстом (предложением или словосочетанием). В таких случаях неравноправие сторон вовлекающей интеракции, воспроизводимое руководителем халаката, а также другими инициаторами нелегитимного воздействия (например, авторами изучаемых на халакате брошюр), репрезентируется:

(а) через императивное подчеркивание действий, вменяемых в обязанность членам организации: *зиярат*₁ ... *либо со своим, либо с братьями всеми, короче, по-любому надо сделать*;

(б) через деакцентирование активного и выдвижение пассивного начала в описании поведения вовлекаемых, т. е. через отношение к ним как к:

(i) объектам целенаправленного воздействия (я *зиярату*₂ *звоню; джарату*₂ *ты говоришь, надо читать нормально намаз*),

(ii) результатам приложенных усилий (*И в итоге пару зияратов*₂ *нормально выходит*),

(iii) носителям состояний, контролируемых извне (*Зиярат*₂ – *это тот человек, который готов слушать тебя*),

(iv) объектам владения (*Ну так, да, планируешь, что один у тебя с работы зиярат*₂. *Берешь одного полюбасу, хоть администрация или директор...; У нас... раньше тридцать... было зияратов*₂),

(v) расходуемому или же пополняемому извне ресурсу (*Вот его можно из дзиярата*₃ *не планировать пока; Поэтому вначале лучше зиярат*₃ *искать среди знакомых*);

(в) через приписывание вовлекаемым негативных поступков (я *зиярату*₂ *звоню, не получилось, обламывают, обламывают*);

(г) через изображение членов организации в качестве субъектов целенаправленного воздействия или же, что еще более примечательно, в качестве посессоров – тех, кто владеет вовлекаемыми (см. использование

форм родительного принадлежности *у тебя, у нас* в предложениях *Один у тебя с работы зиярат*₂; *У нас... раньше тридцать... было зияратов*₂).

Таким образом, представления о характере взаимодействия, заданные тоном предъявляемых адресату требований, а также манерой изображения участников первичного вовлечения, демонстрируют особенности иерархии, установленной в организации. В ней наделенность властью тесно связана с активностью и директивностью агента, с его правом владеть и распоряжаться человеческими ресурсами, а также с его способностью целенаправленно создавать события зиярата; отсутствие власти коррелирует с пассивностью, ведомостью контрагента. Кроме того, за использованием искомого многозначного слова стоит идея стимулирования у обучающихся поступков, поощряемых организацией, причем вынуждение к желаемым действиям осуществляется при напоминании о тех ценностях (требованиях, принятых в сообществе иерархических моделях реальности и т. д.), которые начинают разделяться всеми членами сообщества по мере их включения в него.

3. Употребление искомого арготизма в коммуникативных актах служит дополнительным аргументом в пользу отношений доминирования. По крайней мере, приведенный выше корпус текстовых фрагментов из дискурса халакатов указывает нам на то, что в качестве ведущих способов реализации власти выступают инструктирующие и объяснительные пассажи. Иными словами, налицо как раз такие формы речевого воздействия, с помощью которых, с одной стороны, осуществляется управление поведением адресата, призванного осуществлять зиярат, а с другой – формирование у собеседника определенного ценностного отношения к неосвоенному организацией социуму, рассматриваемому в качестве ресурса для пополнения армии новообращенных. Если развивать эту тему дальше, то стоит признать, что дискурсивная реализация власти в рамках описываемого интерактивного жанра *халакат* носит по преимуществу предписательно-объяснительный характер, что, несомненно, уточняет положение о том, что основной речевой формой доминирования обычно выступает убеждение (об этом см. подробнее [3, с. 57 – 58]).

Литература

1. Антипов А. Г., Араева Л. А., Артёмова Т. В., Арышева А. Ю., Валишина Д. А., Катышев П. А., Лисова О. О., Оленёв С. В., Паули Ю. С., Соснина Ю. А., Стрыгина О. В., Татарина А. В. Риторика: учебное пособие. Кемерово, 2011. 338 с.
2. Гофман Э. Отчуждение от взаимодействия // Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. С. 138 – 164.
3. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
4. Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 315 с.
5. Катышев П. А., Оленев С. В. Влияние синтактики языка на языковую личность как проблема риторической критики // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 191 – 199.
6. Медведева С. Ю. Риторика и риторическая критика в США // Неориторика: Генезис, проблемы, перспективы. М., 1987. С. 91 – 13.
7. Паршин П. Б. Речевое воздействие // Энциклопедия Кругосвет. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html?page (дата обращения: 13.08.2015).

8. Смолененкова В. В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 248 с.
9. Aраева L. A., Artemova T. V., Katyshchev P. A., Olenev S. V., Pauli Ju. S., Sokolova S. K. Word-building mechanism of functioning of drug addicts' jargon (a case study of regional sociolinguistic research and data of substandard lexicography) // Life Science Journal. 2014. 11(12). P. 400 – 404. Режим доступа: <http://www.lifesciencesite.com>. (дата обращения: 13.08.2015).
10. Besnier N. Involvement // R. E. Asher et al., eds. Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 4. Oxford: Pergamon Press, 1994. P. 1770 – 1772.
11. Besnier N. Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal // Journal of Pragmatics. 22 (1994). P. 279 – 299.
12. Chafe W. L. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // Deborah Tannen, ed. Spoken and written language: Exploring orality and literacy. Norwood: NJ: Ablex, 1982. P. 35 – 53.
13. Chafe W. L. Linguistic differences produced by differences between speaking and writing // David R. Olson, Nancy Torrance and Angela Hildyard, eds. Literacy, language, and learning: The nature and consequences of reading and writing. Cambridge: Cambridge University Press., 1985. P. 105 – 123.
14. Chafe W. L., Danielewicz J. Properties of spoken and written language / Rosalind Horowitz and S. J. Samuels, eds. Comprehending oral and written language. New York: Academic Press, 1987. P. 83 – 113.
15. Gumperz J. J. Discourse strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 240 p.
16. Haugerud A., Njogu K. State voices in the countryside: Politics and the Kenyanbaraza // Working Papers in African Studies, 159. Boston: African Studies Center, Boston University, 1991. 46 p.
17. Tannen D. Relative focus on involvement in oral and written discourse // David R. Olson, Nancy Torrance, Angela Hildyard. Literacy, language, and learning: The nature and consequences of reading and writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 124 – 147.

Информация об авторах:

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, katpa@rambler.ru.

Pavel A. Katyshchev – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University.

Кильдибекова Бибигуль Еркеновна – старший преподаватель кафедры журналистики и филологии Инновационного Евразийского университета, Республика Казахстан, г. Павлодар; bibigulerkenovna@mail.ru.

Bibigul E. Kildibekova – assistant lecturer at the Department of Journalism and Philology, Innovative University of Eurasia, the Republic of Kazakhstan, Pavlodar.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.